

МЕМОРАНДУМ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА БРИТАНСКОГО МИДА ОБ ОТНОШЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ВОПРОСУ ОБ АРАБСКОМ ЕДИНСТВЕ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Публикация В.А. Кузьмина

Меморандум, подписанный руководителем Ближневосточного отдела Форин Оффиса Дж. Ренделом, был подготовлен в связи с запланированным на июль 1933 г. визитом в Лондон короля Ирака Фейсала и предстоящими по этому случаю англо-иракскими переговорами по широкому кругу проблем, среди которых немалое место должно было занять детальное обсуждение всех аспектов международных отношений на Ближнем Востоке. Содержание меморандума имеет не только исторический интерес, но и позволяет увидеть корни и сложность многих проблем, сохранившихся в этом регионе до наших дней.

Ниже приведен полный и дословный перевод этого интересного документа, выполненный автором публикации по оригиналу документа, выявленному им в Британском государственном архиве в бумагах Министерства иностранных дел: Public Record Office (PRO). Foreign Office Papers (FO). 371/16855.

Отдел Ближнего Востока

Секретно

13 июня 1933 г.

[E 3119/347/65]

№ 1.

Отношение правительства Его Величества к вопросу об арабском единстве

1. Выражение «арабское единство» является крайне неопределенным и используется во многих разных смыслах.

2. Чаще всего оно употребляется в связи с такими событиями, как арабские или мусульманские конгрессы, в частности, это выражение широко использовалось во время мусульманского конгресса в Иерусалиме, состоявшегося осенью 1931 г. В таких случаях это понятие обычно используется как популярный призыв к объединению против «западного империализма» или сионистского движения. Иногда это выражение используется при обсуждении весьма размытой идеи сотрудничества арабоязычных народов по таким вопросам, как образование и пропаганда, а также таких политико-религиозных тем, как Хиджазская железная дорога, будущее Святых мест и т.д. В этом смысле арабское единство есть нечто близкое понятию «панарабизм» и, по-видимому, имеет не больше практического значения, чем весьма туманное «панисламское движение», о котором так много говорилось около двадцати лет назад.

3. С политической и практической точки зрения «арабское единство» должно означать объединение, либо в рамках единого государства, либо в рамках конфедерации самостоятельных государств, всех территорий бывшей Османской империи, расположенных к югу от современной Турции, где

проживает преимущественно арабское население. Такое толкование ограничивает применение идеи арабского единства регионом северо-западной части Аравии, т.е., населенной арабами территорией, расположенной к северо-западу от условной линии, проведенной от северной оконечности Персидского залива до южной части Красного моря. Действительно, только в отношении этой территории идея арабского единства может рассматриваться как применимая и преимущественно с этой точки зрения данный вопрос рассматривается в настоящем меморандуме. Но могут быть сделаны попытки распространить идею арабского единства на государства Персидского залива и южной и юго-восточной части Аравии в целом. Поэтому невозможно рассматривать проблему, не касаясь ее возможного отношения к этим территориям также.

4. Идея арабского единства применительно к бывшим османским владениям, т.е., к населенным арабами территориям, расположенным к северо-западу от линии, упомянутой в предыдущем параграфе, была конечной целью восстания арабов в период (Первой мировой. – *В.К.*) войны и была идеалом, за который Хашимиты, под руководством Хусейна и полковника Лоуренса, боролись в ходе войны и в течение перемирия (заклученного с Османской империей. – *В.К.*). Нет сомнения в том, что члены семьи Хашимитов – Фейсал, Али, Абдаллах – никогда не оставляли такой мечты, хотя последовавшие события сделали ее неосуществимой.

5. Самым важным из этих событий, с чисто арабской точки зрения, было усиление власти Ибн Сауда и захват им большей части Аравийского полуострова, включая бывшее королевство Хиджаз. Династическое соперничество между Хашимитами и Саудитами делает почти невероятным какое-либо тесное или органическое соединение территорий, находящихся под их управлением. Верно, что король Ирака Фейсал пришел к соглашению с королем Ибн Саудом и сейчас находится в дружественных отношениях с Саудовской Аравией, и мы стараемся – с вспыхнувшей, наконец, надеждой на успех – обеспечить подобное улучшение между Ибн Саудом и эмиром Трансиордании Абдаллахом. Однако соперничество между двумя фамильными кланами все еще остается решающим фактором в существующей ситуации, и до тех пор, пока одна из группировок не исчезнет, кажется, нет никаких перспектив для создания какой-либо эффективной комбинации территорий, в настоящее время находящихся под управлением Ибн Сауда (т.е., большей частью Аравийского полуострова, включая бывшее королевство Хиджаз), с территориями, в настоящее время управляемых Хашимитами (т.е., независимым королевством Ирак и подмандатной территорией Трансиордания). До тех пор, пока арабы разделены между этими двумя лагерями, любые разговоры об арабском политическом единстве в более широком смысле могут быть только иллюзией.

6. Более того, при существующих обстоятельствах для правительства Его Величества невозможно поддерживать одну из этих группировок против другой, так как оно связано особыми обязательствами с каждой из них. Помимо поддержки, которую Хашимиты оказали делу союзников в течение Великой (Первой мировой. – *В.К.*) войны, король Фейсал и эмир Абдаллах в прошлом уже показали себя приверженцами правительства Его Величества.

Нет необходимости вдаваться в детали, достаточно отметить два случая, когда эмир Абдаллах своим содействием существенно помог правительству Его Величества — восстание друзов в 1925 г. и беспорядки в Палестине в 1930 г. Более того, правительство Его Величества несет особую ответственность по поддержке режима эмира Абдаллаха, который был установлен в Трансиордании под его прямым покровительством в качестве мандатария. Правительство Его Величества не менее тесно связано с королем Ирака Фейсалом посредством англо-иракского договора о союзе 1930 г. С другой стороны, правительство Его Величества имеет также особые связи с королем Саудовской Аравии Ибн Саудом. Оно сохраняет тесные и, действительно, сердечные отношения с Ибн Саудом со времени заключения договора в Джидде в 1927 г. Король Ибн Сауд не только продолжает и развивает эти дружественные отношения, но и является одним из тех немногих правителей, которые способны создать и сохранять стабильное и умеющее наводить порядок правительство в Аравии. Далее, для правительства Его Величества, имеющего огромное число мусульман в Индии и повсюду, очень важно сохранять дружественные отношения с правителем Святых мест ислама. В этих обстоятельствах политика правительства Его Величества должна быть направлена на то, чтобы сохранять баланс между Хашимитами, с одной стороны, и Саудитами, с другой стороны, и одновременно, делая все, что в его силах, содействовать установлению дружественных отношений между ними, воздерживаясь от любых действий, которые могли бы привести к преобладанию в Аравии одного из правящих домов за счет другого.

7. Помимо этой большой трудности имеются и другие элементы в собственно Аравии, которые едва ли совместимы с любой системой объединения. Самыми важными из них являются независимое королевство Йемен, правитель которого (имам Яхья), недальновидный и задиристый, находится в неопределенных отношениях как с Ибн Саудом, так и с королем Фейсалом, хотя у него имеются «для видимости» договоры о дружбе с обоими, и разные мелкие аравийские правители, такие, как шейхи Кувейта, Бахрейна, Катара и Договорного Берега (ныне Объединенные Арабские Эмираты. — *В.К.*), которые крайне подозрительны друг к другу, озабочены собственной независимостью и никогда не проявляли никаких признаков способности к политическому сотрудничеству. В настоящий момент нет необходимости рассматривать в этой связи султанат Маскат и Оман и протекторат Аден. С другой стороны, если бы главные поборники политической идеи «арабского единства» преуспели в воплощении своего идеала на практике, то это, возможно, оказало бы сильное воздействие на шейхов Персидского залива и Южной Аравии, а также султанат Маскат и Оман, с целью их присоединения к движению в направлении этой цели. Кувейт и Бахрейн тесно связаны с Ираком и Саудовской Аравией как экономически, так и политически. Более того, все эти государства, включая Маскат, поддерживают связь с Саудовской Аравией посредством ежегодного паломничества в Мекку, в котором участвуют многие члены их правящих семейств. Паломничество предоставляет исключительные возможности не только для религиозной и культурной, но и для политической пропаганды. И если Мекке суждено будет в какое-то время стать политическим центром объединенной Аравии или боль-

шой арабской конфедерации, то, возможно, тот политический идеал, который она отстаивала бы, окажется весьма привлекательным для арабских правителей государств Южной Аравии и Персидского залива и стимулирует у них большее желание сотрудничать с ведущими странами Западной и Северной Аравии, во всяком случае, в борьбе с политическим и культурным влиянием Запада на Ближнем Востоке.

8. Относительно мелких арабских государств Персидского залива важно отметить, что, за исключением султаната Маскат и Оман (где, однако, мы оказываем доминирующее влияние), их внешние сношения осуществляются на основе договоров, которые контролируются исключительно правительством Его Величества, именно правительство Его Величества связано с этими странами серией договоров, которые предоставляют им разной степени защиту от иностранной агрессии и помогают сохранять свою независимость. Помимо этих договорных обязательств основной принцип политики правительства Его Величества на Ближнем Востоке состоит в том, что эти страны не должны быть поглощены ни одним из их могущественных соседей, а должны оставаться, насколько это возможно, отдельными государствами, находящимися под эффективным британским контролем. Развитие воздушных коммуникаций Британской империи, как гражданских, так и военных, в последние несколько лет придало этому прочно установленному принципу новое значение. Что касается Кувейта, то король Ирака Фейсал и король Саудовской Аравии Ибн Сауд в разное время проявили признаки желания овладеть этой территорией, которая была бы полезным приобретением для любого. Однако, исходя из договорной основы и основ имперской политики, для нас важно, чтобы Кувейт не был поглощен ни Саудовской Аравией, ни Ираком. То же самое можно сказать о Бахрейне. Помимо того, что у нас есть договорные обязательства защищать шейха (Бахрейна. — *В.К.*) от агрессии, было бы явно против британских интересов, если бы эти острова были поглощены либо Саудовской Аравией, либо Персией (Ираном. — *В.К.*). Король Ибн Сауд, согласно статье 6 договора 1927 г., заключенного в Джидде, уже признал существование особых отношений правительства Его Величества с арабскими государствами Персидского залива, и поэтому едва ли он будет стремиться аннексировать Бахрейн. В то же время одной из наших главных целей в переговорах, которые мы ведем с Персией, является получение от нее подобного же признания наших особых отношений с Бахрейном и т.д. и отказа от старых персидских претензий на Бахрейн и некоторые другие арабские острова в заливе. В этих условиях становится ясно, что для правительства Его Величества невозможно согласиться на включение любого из малых независимых арабских государств Персидского залива или Южной Аравии в более широкую политическую комбинацию арабских стран.

9. Между тем на северо-западе региона любой проект арабского единства в каком-либо практическом смысле этого понятия должен будет войти в конфликт с мандатной системой в странах французского Леванта и Палестине, со всеми обязательствами, вытекающими из этой системы. Французы, даже если они будут готовы согласиться на некоторые условия, ведущие к эмансипации собственно сирийского государства, дают ясно понять, что у них нет намерения отказываться от удержания в своих руках Ливана, преимущественно христианского государства, или, во всяком случае, в настоя-

щее время, от своеобразного неарабского анклава Джебель-Друз. Точно так же правительство Его Величества против того, чтобы допустить каким-либо путем включение Палестины в любой преимущественно арабский союз, в виду своей глубокой приверженности политике еврейского национального очага и своих обязательств в отношении других неарабских или немусульманских общин и интересов в собственно Палестине.

10. Таким образом, с точки зрения практической политики вопрос об арабском единстве сводится к вопросу о возможности создания какой-либо комбинации между Ираком, Трансиорданием и Сирией.

11. Что касается Трансиордании (союз или объединение которой с Ираком с первого взгляда кажутся самыми легкими, так как Трансиордания в настоящее время является чисто арабским государством, а ее правитель – братом короля Фейсала), то первоначальная трудность состоит в том, что ее территория покрывается мандатом на Палестину, неотделимую часть которой она технически составляет. Поэтому необходимо, прежде, чем может быть осуществлено какое-либо эффективное объединение Трансиордании с Ираком, чтобы правительство Его Величества организовало освобождение Трансиордании от условий мандата. Трансиордания, однако, не выполняет в настоящее время никаких условий, которые определены Лигой Наций как позволяющие освободить какую-либо территорию от мандатного режима. Даже если Трансиордания в определенной степени выполнит эти условия, фактором, который может сыграть против ее освобождения от подмандатного состояния, является возможность появления в недалеком будущем еврейского поселения на территории Трансиордании. Хотя нет оснований сомневаться в том, что на Трансиорданию распространяются те статьи палестинского мандата, которые имеют отношение к созданию еврейского национального очага, наличие еврейского меньшинства в Трансиордании, конечно, увеличит трудности на пути к окончанию мандатного режима на этой территории.

12. Что касается Сирии, то нет сомнений в том, что французы серьезно рассматривают возможность ее эмансипации, а король Ирака Фейсал и арабские националисты вообще, как в Ираке, так и в Сирии, обсуждают вероятность объединения Сирии и Ирака под возможным управлением одного лидера. Существуют, однако, различные серьезные трудности и возражения в отношении этого проекта.

13. Во-первых, маловероятно, что французы готовы полностью освободить Сирию от своего контроля. Даже если Сирия будет освобождена от условий мандата, он будет, вероятно, заменен франко-сирийским договором о союзе, аналогичным англо-иракскому договору 1930 г. После этого может сложиться такая ситуация, когда сирийская часть этого нового (объединенного сирийско-иракского. – *В.К.*) государства или конфедерации, будь то в форме республики или монархии, будет связана с Францией и останется преимущественно под французским политическим и культурным влиянием, тогда как иракская часть будет связана с нашей страной (Великобританией. – *В.К.*) условиями англо-иракского договора 1930 г. и останется преимущественно под британским влиянием. Это вполне может привести к ситуации международного соперничества, которое может вызвать серьезные международные осложнения.

14. Кроме того, Сирия в настоящее время является более развитым государством, чем Ирак. Хотя ее население, возможно, менее жизнеспособно,

ее города крупнее и более процветающие, а ее культура и цивилизация более развиты. Во всяком случае, это гораздо более приятная для жизни страна. Поэтому возможно, что иракцев будут все больше и больше привлекать сирийские города Дамаск и Алеппо (Халеб. – *В.К.*) и, может быть, также район Ливана или город Бейрут, еще более профранцузские. Таким образом, сирийское, а значит и французское, влияние будет иметь тенденцию к возрастающему укреплению в самом Ираке. Столица нового (сирийско-иракского. – *В.К.*) государства могла бы даже быть перенесена в Дамаск, который бесконечно более приятный город, чем Багдад. И как результат – франко-сирийское влияние может распространиться на восток в такой степени, что весь характер Ирака и политические отношения этой страны с правительством Его Величества могут измениться. Ясно, что непосредственные интересы правительства Его Величества, особенно в отношении безопасности имперских коммуникаций, которые столь заботливо охраняются англо-иракским договором 1930 г., могут понести серьезный ущерб в результате такого развития событий.

15. Вопросы, упомянутые в параграфах 12, 13 и 14, были рассмотрены министерским подкомитетом по Ближнему Востоку Комитета Имперской обороны 17 ноября 1931 г., и сделанные тогда выводы, сводятся к следующим:

(1) Результатом, наиболее благоприятным для правительства Его Величества, было бы провозглашение Сирии республикой с сирийцем на посту президента.

(2) Наиболее нежелательным было бы решение о том, чтобы одно лицо носило короны Сирии и Ирака, в любом случае, едва ли требуется доказывать его непригодность.

(3) Любая попытка короля Фейсала переместить свой престол из Ирака в Сирию будет противоречить британским интересам.

16. Даже если все эти династические и политические препятствия будут преодолены, очень сомнительно, что реальное арабское единство будет когда-нибудь достигнуто между ведущими государствами, такими, как Саудовская Аравия, Ирак и др., хотя бы по географическим причинам. Действительно, несмотря на кажущуюся однородность и компактность, в Аравии нет географического единства. Все страны северной зоны, такие, как Ирак, Сирия, Палестина и Трансиордания, сильно отличаются друг от друга конфигурацией, почвой, климатом и общими характеристиками. Южная Аравия, хотя и кажется с первого взгляда на карту, что обладает определенным единством, в действительности может быть более точно охарактеризована как архипелаг из поселений в море пустыни, где проживают племена, которые доведены условиями жизни в пустыне до того, что они, фактически, стали наземными пиратами, непрерывно грабящими друг друга. Любая идея объединения или конфедерации, основанная на обычных европейских представлениях об этих понятиях, совершенно неприменима к региону такого рода.

17. Однако, с точки зрения интересов всеобщего международного сотрудничества и взаимопонимания, культурного развития и экономического процветания, правительство Его Величества, может, естественно, только с сочувствием смотреть на любое движение, которое преследует цель привести народы арабских стран к более тесным и дружественным отношениям между со-

бой, при условии, что это будет совместимо с их особыми договорными отношениями и обязательствами в отношении заинтересованных государств (читай: Англии. – *В.К.*). Действительно, оно всегда делало все, что могло, для достижения этой цели. Улучшение в последние несколько лет отношений между Ираком и Саудовской Аравией стало возможным благодаря усилиям правительства Его Величества, которое добилось примирения между королем Фейсалом и королем Ибн Саудом, произошедшего на борту боевого корабля Его Величества «Люпин» в феврале 1930 г. В настоящее время правительство Его Величества активно пытается добиться такого же улучшения отношений между Саудовской Аравией и Трансиорданием и надеется, что это сможет привести к заключению договора о дружбе и добрососедстве между королем Ибн Саудом и эмиром Абдаллахом, который будет аналогичен договору, заключенному между Саудовской Аравией и Ираком в апреле 1931 г. Более того, правительство Его Величества всегда стремилось к развитию тесного сотрудничества арабских стран в экономической сфере, и сумело, путем создания соответствующих условий в необходимых механизмах, закрепить за Ираком и Трансиорданием право предоставлять наиболее благоприятный тарифный режим соседним арабским государствам, несмотря на имеющиеся у него (британского правительства. – *В.К.*) обязательства наиболее благоприятствуемой нации в отношении других стран.

18. Если – как кажется вероятным – вопрос об отношении правительства Его Величества к проблеме арабского единства будет поднят в ходе предстоящего визита короля Фейсала в нашу страну (Великобританию. – *В.К.*), то предлагается объяснить королю, что в целом правительство Его Величества относится с дружеской симпатией к любому конструктивному предложению, направленному на мирное экономическое сотрудничество и развитие тесных и дружественных культурных отношений между ведущими государствами Аравии. У короля Фейсала будет возможность изложить более обстоятельно все, о чем он думает, но так как правительство Его Величества не может, в силу причин, разъясненных выше, особенно в параграфах 6, 8, 9 и 15, поддержать никакую политику, имеющую цель осуществить *политическое объединение* Аравии, представляется желательным использовать любую подходящую возможность, чтобы убедительно отговорить короля Фейсала от того, чтобы он отождествлял себя с этим проектом или давал какие-либо обязательства в этом отношении. Такое разубеждение могло бы, например, иметь форму совета, даваемого королю, как это уже делал сэр Фрэнсис Хэмфри (британский представитель в Ираке. – *В.К.*), совета, состоящего в том, что он мог бы лучше послужить арабскому делу, концентрируя свою энергию на мирном развитии ресурсов и институтов своей собственной страны, что правительство Ирака могло бы служить образцом и источником вдохновения для других арабских государств.

Дж. У. Рендел

Форин Оффис,
13 июня 1933 г.